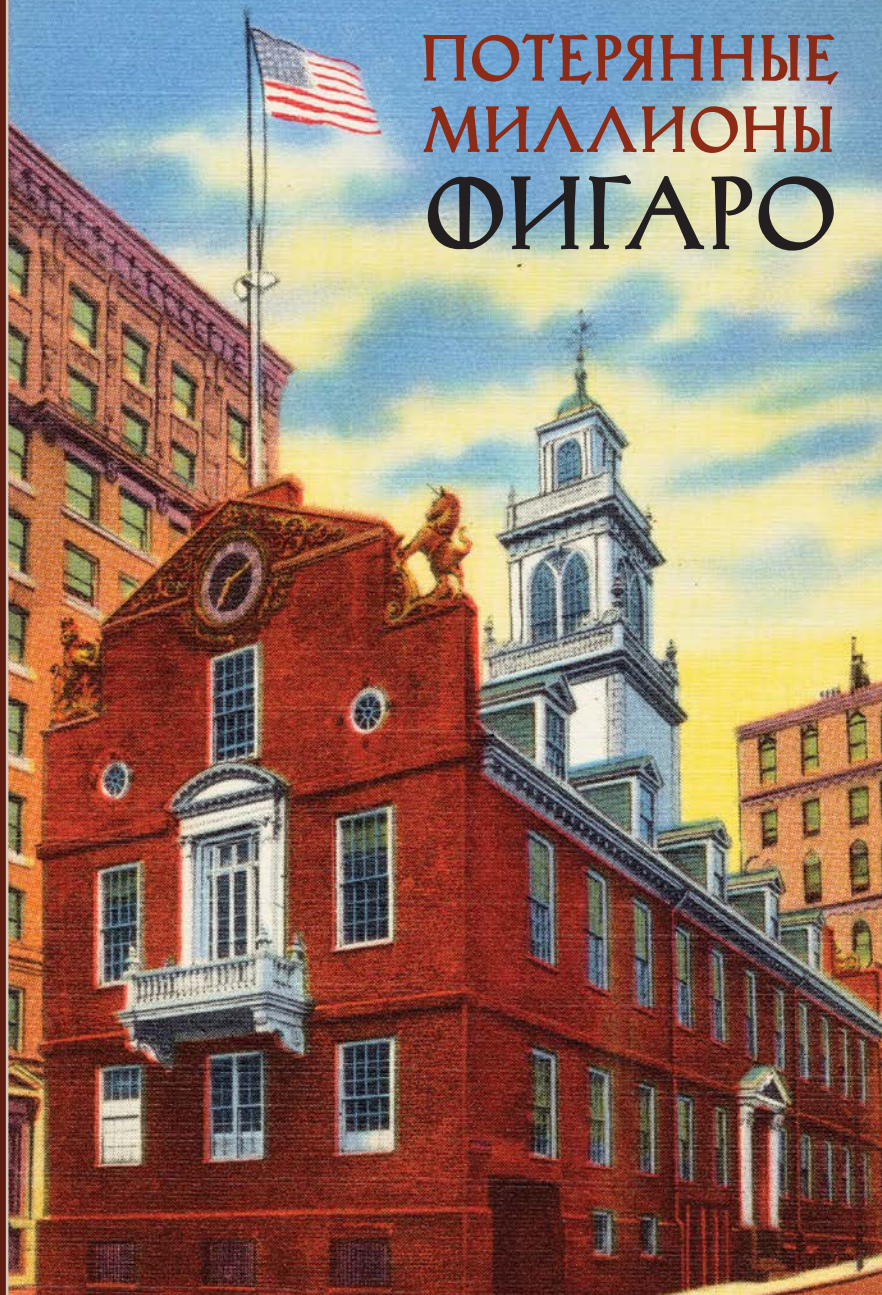

ЛЕОНИД СПИВАК

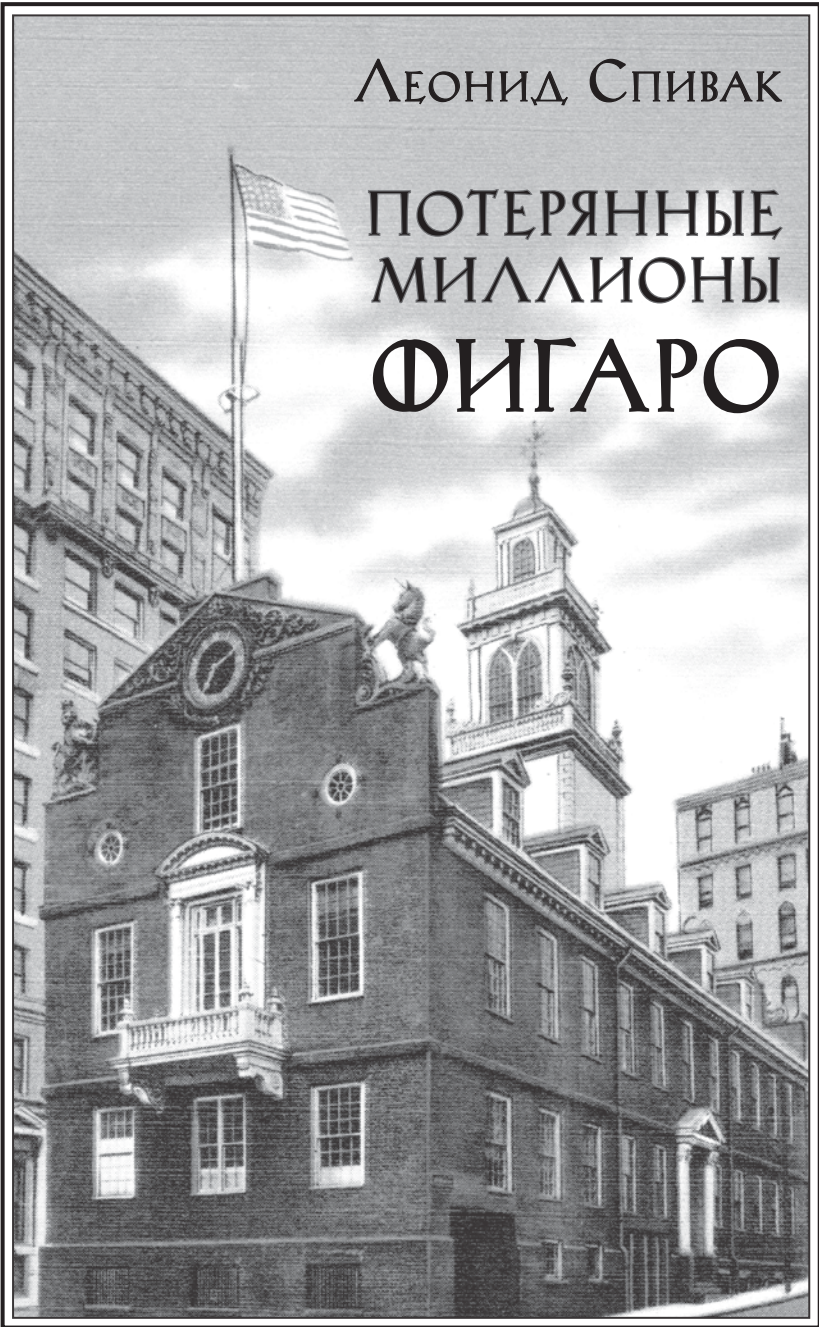
ПОТЕРЯННЫЕ
МИЛЛИОНЫ
ФИГАРО

ЛЕОНИД СПИВАК

ПОТЕРЯННЫЕ
МИЛЛИОНЫ
ФИГАРО

БОСТОН • 2024 • BOSTON

Леонид Спивак. Потерянные миллионы Фигаро

Leon Spivak. Figaro's Lost Millions
(Poteryannye milliony Figaro)

Copyright © 2024 by Leon Spivak

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1960533548

Cover Design by Larisa Studinskaya © 2024

Book Design by M•Graphics © 2024

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

На обложке — Старая бостонская ратуша / Почтовая открытка 1930 г.
Boston Public Library, Art Department / Public Domain

Фото автора на задней обложке: Илья Гофман

Printed in the USA

ПОТЕРЯННЫЕ МИЛЛИОНЫ ФИГАРО

Если бы люди всегда понимали друг друга,
не было бы всемирной истории.

Тalleyrand

ХОЛОДНАЯ ГАВАНЬ

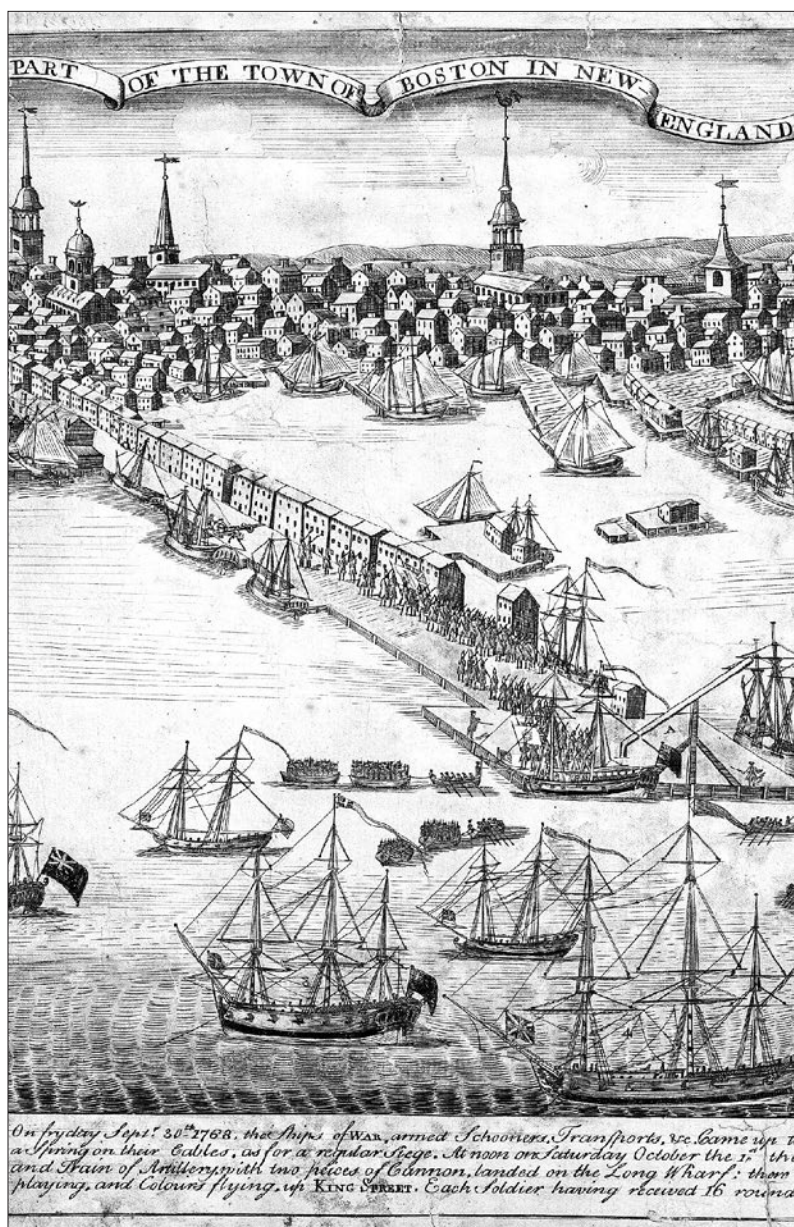

ноябре и декабре 1770 года в Бостоне, столице королевской колонии Массачусетс, проходил необычный судебный процесс. В умышленном убийстве обвинялись восемь солдат британского гарнизона вместе с их командиром. Присяжные должны были вынести вердикт по делу, впоследствии получившему очень разные оценки по обе стороны океана. Английские историки называют случившееся «инцидентом на Кинг-стрит», американская мифология окрестила произошедшее «Бостонской бойней» (*Boston Massacre*).

Снежным вечером 5 марта 1770 года местные мальчишки-подмастерья стали задирать стоявших в карауле солдат 29-го пехотного полка. «Лобстеры», как называли в Бостоне королевских солдат в красных мундирах, не вызывали добрых чувств у местных жителей. Два английских полка, введённых в город после ряда «противозаконных» волнений, защищали права королевских чиновников накладывать подати на колонистов и подавлять их политические свободы. Портовый и мастеровой Бостон стал главным заводилой антибританских действий в Северной Америке.

Всё началось с нескольких брошенных в солдат снежков. Выведенный из себя часовой сбил одного из подростков с ног. На выручку «невинному ребёнку» поспешили местные жители. Размеры толпы угрожающе росли, в часовых полетели не только снежки, но и куски льда и камни. Командовавший отрядом солдат капитан Престон приказал примкнуть штыки. Неожиданно ударил пожарный колокол, поднимавший горожан по тревоге.

Гренадеры его величества оказались прижаты к кирпичной стене бостонской ратуши Old State House. Толпа продолжала провоцировать британцев. Когда одного из солдат сбили с ног ударом дубины, кто-то крикнул: «Огонь!» Разда-

Бостонская гавань в 1768 году (гравюра П. Ревира)

лись выстрелы, рассеявшие толпу. До сих пор неизвестно, кто выкрикнул приказ. Трое горожан были убиты на месте, ещё двое скончались от ран позднее. Восемь или девять человек были ранены.

Как говорят историки, случилось первое кровопролитие будущей Американской революции. Королевский губернатор Томас Хатчинсон как мог пытался навести порядок во вверенном ему городе, хотя всем было ясно, что новые столкновения были лишь вопросом времени. Верховный суд колонии Массачусетс призвал к ответу восемь солдат и их капитана, обвинённых в преднамеренном убийстве мирных жителей. Обвинение начиналось грозными словами: «не имея Страх Божия пред очами своими», солдаты «были движимы и соблазнены побуждением дьявола и своими собственными злыми сердцами...»

Арестованных солдат и их командира вызвался защищать уважаемый в городе адвокат Джон Адамс, будущий второй президент США. Известный своими антибританскими настроениями, Адамс не побоялся поставить на карту своё благополучие и свою юридическую практику (он потеряет много клиентов-бостонцев), но обеспечил подсудимым беспристрастное правосудие.

Капитан Томас Престон был оправдан жюри присяжных: он не отдавал приказа стрелять и пытался погасить конфликт. Капитан вышел в отставку, вернулся в Англию и получил от короля Георга III крупную сумму в двести фунтов «за тяготы службы». Из восьми представших перед бостонским судом рядовых 29-го пехотного полка шестеро были оправданы, а двоих признали виновными в непредумышленном убийстве.

Решение о наказании двух солдат-ирландцев оказалось своеобразным. Дабы избежать виселицы или каторги, оба рядовых (возможно, по совету Адамса) прибегли к казуистической уловке: воззвали к так называемой «привилегии священника». Идущая из средневековья традиция (лат. *privilegium clericale*) изначально действительно касалась священников, которые могли требовать, чтобы их судил церковный суд, более милосердный. В далёком прошлом доказать принадлежность к духовному званию было просто: только

священники были грамотны и умели читать по-латыни. Ко времени «Бостонской бойни» английская судебная процедура «привилегии священника» превратилась в архаичный ритуал. За одну ночь два неграмотных ирландских солдата смогли выучить, а затем громко перед судом процитировать по-латыни начало 50-го псалма: *Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam Tuam* (Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей).

Верховный суд Массачусетса приговорил обоих королевских солдат к клеймению. Выжженное на большом пальце правой руки клеймо **М** — «убийца» — лишало их церковного причастия и многих гражданских прав. Об их дальнейшей судьбе мы ничего не знаем.

В те же месяцы 1770 года в Туманном Альбионе разыгрывались события, внешне не имевшие отношения к бунтарскому Бостону. Их инициатором был французский офицер, не чуждый высокому литературному слогу, а также дипломатическим интригам и международному шпионажу. Герой многих романов, которого Вольтер назвал «славной загадкой для истории», родился в 1728 году в захолустном городке Тоннере в Бургундии. Младенец был крещён как Шарль-Женевьев-Луи-Огюст-Андре-Тимоте д'Эон де Бомон. Звучное имя отражало славное прошлое дворянского рода, но никак не финансовое настоящее семьи. Юный Шарль, впрочем, быстро завоевал французскую столицу. По окончании колледжа Мазарини он служил секретарём интенданта Парижа, а также слыл блестящим шахматистом, задирой и лучшим фехтовальщиком своего времени. При этом к двадцати пяти годам д'Эон де Бомон опубликовал серьёзный труд «Финансовое положение Франции при Людовике XIV и в период Регентства», а вдогонку к нему двухтомник «Политические рассуждения об администрации древних и новых народов».

Судьбу Шарля д'Эона решили события, разыгравшиеся не в золочёных покоях Версаля, а в глухих американских лесах. Долго зревшая напряжённость между английскими и французскими колонистами в Новом Свете прорвалась в мае 1754 года стычкой у форта Дюкен (нынешний город Питтсбург в Пенсильвании). Отрядом американских опол-

«Бостонская бойня» 1770 года (гравюра П. Ревира)

ченцев командовал Джордж Вашингтон, в то время лояльный британской короне майор, геодезист и плантатор. Французы одержали верх и взяли Вашингтона в плен, но среди раненых оказался командующий Жюмонвиль. Так возник острый конфликт колониальных держав, приведший вскоре к Семилетней войне в Европе.

Д'Эон оказался замешан в главные политические интриги своего времени. Кузен Людовика XV принц де Конти вовлёл молодого человека в круг «Секрета короля» — самую законспирированную сеть агентов с особыми поручениями. Этому способствовал во многом приукрашенный историками комический эпизод на одном из придворных маскарадов. Известный своей похотливостью Людовик XV увлёкся стройной девицей в бархатной маске и вскоре с досадой обнаружил, что перед ним юноша, который умеет постоять за себя. За «ангельской» внешностью Шарля скрывался блестящий ум и бойцовский характер.

В 1755 году в Санкт-Петербург по делам скупки мехов отправились некий шотландец-геолог Дуглас Макензи и сопровождавшая его «племянница» Лия де Бомон. Среди прочего дамского багажа миловидная француженка везла шифры в подмётках туфель и томик Монтескьё «Дух законов», в котором только сам д'Эон мог отыскать тайник для хранения переписки. Известно, что мадемуазель де Бомон не только очаровала русскую столицу умом и приятными манерами, но и была представлена императрице Елизавете Петровне. По некоторым сведениям, государыня сделала её фрейлиной и даже допускала в свою спальню читать на ночь французские романы. Так в один из дней в царских покоях «девица» де Бомон раскрыл томик Монтескьё с личным письмом Людовика, и началась «переписка доверия» двух монархов, проходившая через руки курьера д'Эона.

Во время Семилетней войны Россия и Франция стали союзницами, а шевалье д'Эон де Бомон добывал славу в качестве капитана лейб-драгунского полка и был отмечен высшей наградой Франции — крестом Святого Людовика. Умением держаться в седле, стрелять и владеть шпагой он превосходил любого офицера. К этому времени из-под пера д'Эона вышло несколько томов исторических исследований (в том

числе и по истории России петровского времени), трактаты о налогах, финансах и торговле с Новым Светом.

В конечном итоге кавалер д'Эон оказался в Лондоне в качестве министра-советника французского посольства, исполнявшего обязанности поверенного в делах. В английской столице он был как рыба в воде: светские рауты, приёмы, вращение в высшем обществе (казна посольства быстро опустела). В тайные же задачи дипломата входило изучить возможности высадки французских войск на Британских островах. В Альбион под видом любознательных путешественников направлялись преданные офицеры с секретной миссией: они собирали информацию о бухтах и гаванях, пригодных для захода военных кораблей и высадки на берег десанта, о дорогах, местах для биваков, направлениях маршбросков. Франция искала возможность взять реванш за потерянные в ходе Семилетней войны Канаду и Луизиану.

В сложные хитросплетения европейской политики снова вмешался бунтарский Бостон. На кону истории оказались три вошедших в порт корабля с чаем. Непокорные горожане, протестуя против произвольного налогообложения, отправились вечером 16 декабря 1773 года на митинг в Старую южную церковь (*Old South Meetinghouse*). Страстные речи с амвона сделали своё дело: ближе к ночи несколько десятков мужчин, переодетых для конспирации индейцами и с боевой раскраской лиц, вскарабкались на три корабля английской Ост-Индской компании и выбросили в воду несколько десятков тонн чая.

Король Великобритании Георг III ответил на «Бостонское чаепитие» новыми репрессиями, которые получили название «Нестерпимых актов» (*Intolerable Acts*). Выборные органы власти колонии Массачусетс были распущены, вся полнота решений переходила к военному губернатору генералу Томасу Гейджу. Бостонский порт был закрыт для торговли до полного возмещения ущерба Ост-Индской компании. На рейде встали военные корабли. Среди английских политиков пошли разговоры о зреющем вооружённом противостоянии между Лондоном и его американскими колониями. Происходившее сулило дипломату и резиденту французской разведки д'Эону новые возможности.

На беду шевалье, его покровитель Людовик XV скоропостижно скончался от оспы в мае 1774 года, а новый молодой король Людовик XVI отказался от услуг д'Эона. Прибывший в Лондон французский посланник граф де Герши высокомерно сообщил, что кавалер должен вручить британцам отзывные грамоты и отбыть в Париж до особого распоряжения. При этом ему запрещалось показываться при дворе. Д'Эон понял, что попал в жернова большой политики и его, скорее всего, ждёт Бастилия.

Строптивец объявил Герши, что намерен пока остаться в Лондоне, ибо на бумагах графа нет подписи самого короля. Шевалье продолжал аккуратно посещать посольство для обедов. Вышколенные официанты каждый раз терялись, кому подавать первому: новому послу де Герши с его верительными грамотами или же прежнему послу д'Эону, так и не представившему в Сент-Джеймс отзывные грамоты. Обеды проходили при ледяном молчании сторон. Сверх того, кавалер ордена Святого Людовика выложил новые веские аргументы.

В дни, когда в портовых городах по всему американскому побережью происходили нешуточные волнения против британской короны, на берегах Темзы шла бойкая торговля скандальной книгой «Письма, мемуары и переговоры кавалера д'Эона». В книге была опубликована часть дипломатической переписки между Версалем и французским посольством в Лондоне. Шевалье благоразумно добавил в заглавие книги: «Том первый». Людовик намёк понял: у ловкого авантюриста оказались ключи к самой секретной политике Версаля (в том числе генеральный план вторжения французских войск в Англию). Попади эти бумаги в руки британцев, мог бы возникнуть не только международный скандал, но *casus belli* — повод для Великобритании объявить новую войну.

Так началась главная часть этой истории, героем которой стал не менее изобретательный, чем д'Эон, фигурант. О нём будет написано ещё больше книг — от гор хвalebных биографий до завалов презрительных мемуаров. Пьер-Огюстен Карон — финансист, политик, мастер закулисных дел и публичных скандалов. В мировую литературу он войдёт под звонким именем Бомарше.

ЧАСОВЩИК И ЦИРЮЛЬНИК

ем же он был на самом деле? — споры о личности этого человека идут уже более двух столетий. Вряд ли в мировой истории XVIII века найдётся фигура более противоречивая: корыстолюбивый плебей и популярнейший литератор, преуспевающий коммерсант и дерзкий прожектёр, талантливый изобретатель и тайный агент французского престола.

Великий публицист и драматург родился в 1732 году и был седьмым ребёнком в семье парижского часовщика. Пойдя вначале по стопам отца, он в двадцать лет изобрёл анкерный спуск, который не только улучшил работу часового механизма, но и позволил делать часы маленькими и плоскими. Придворный часовой мастер Лепот, которому Пьер Карон рассказал об изобретении, попытался присвоить его себе, однако дерзкий юноша возбудил судебный процесс в Академии наук, представил доказательства и выиграл дело. Благодаря этому он приобрёл известность. Среди его многочисленных клиентов — сам Людовик XV, по заказу которого Пьер Карон сделал изящные часы-перстни королевской фаворитке маркизе де Помпадур и принцессам. Так началась версальская биография Карона.

Талантливый часовщик был наделён и музыкальным даром: он сочинял популярные песенки и славился игрой на арфе, даже внёс некоторые усовершенствования в этот инструмент — и был назначен учителем музыки королевских дочерей. Благодаря женитьбе на богатой вдовушке, которая очень скоро умерла, Пьер Карон изменил своё имя на «де Бомарше» и смог приобрести дворянский титул. Разнообразные таланты и необыкновенный дар общения открыли ему дорогу в высшее общество Парижа, где Бомарше легко завязывал полезные связи.

Карьера при дворе также развивалась успешно. В Версале, этом особом, иерархически организованном мире, играла роль каждая должность. Пьер-Огюстен Карон выполнял обязанности «контролёра королевской говядины» и следил за подачей блюд к монаршему столу. Для молодого пройдохи в расшитом камзоле и парике всё это напоминало игру, своего рода дворцовый театр, но к новой должности королевского секретаря он отнёсся очень серьёзно. На протяжении многих лет он вёл весьма деликатные придворные дела, периодически выполнял секретные дипломатические миссии за границей. Однажды, находясь по коммерческим делам в Мадриде, Бомарше убил на дуэли испанского писателя, обольстившего его сестру, что впоследствии послужило сюжетом трагедии Гёте «Клавихо».

Занятия литературой были для него в то время приятным времяпрепровождением. Свою первую пьесу «Эжени» Пьер Карон написал сравнительно поздно, в возрасте тридцати пяти лет. Причём его первые произведения успехом не пользовались; гораздо большую известность (весьма скандальную) принесли его коммерческие предприятия.

Пользуясь своими связями при дворе, Бомарше оказал некую услугу крупному банкиру Жозефу Пари-Дюверне. В благодарность тот сделал Пьера своим компаньоном, что позволило бывшему часовщику быстро сколотить значительное состояние на военных поставках во время Семилетней войны. На зависть многим нувориш Бомарше выстроил великолепный особняк в центре Парижа. Однако дерзкие финансовые спекуляции приносили не только богатство, но и многочисленные судебные тяжбы. Чтобы не платить долги, наследники умершего Дюверне обвинили Пьера Карона в мошенничестве. В результате громкого огульного процесса его приговорили к лишению гражданских прав, что было равносильно клеймению.

В этот тяжёлый для него период Бомарше написал знаменитые «Мемуары», в которых с блеском обличал тогдашнюю коррумпированную систему французского правосудия. «Мемуары» были публично разорваны и сожжены королевским палачом у Дворца правосудия, однако подтолкнули реформы национальной судебной системы. Первый литератор Фран-

Пьер-Огюстен Карон де Бомарше

ции Вольтер был в восторге от «Мемуаров». Судебное дело постепенно замяли.

Перечисленных событий с избытком хватило бы на несколько биографий. «Если бы продолжительность жизни измерялась количеством пережитого, то можно было бы сказать, что я прожил двести лет», — признавался в одном из писем Пьер-Огюстен. Однако его ждала ещё большая слава, которая по прихоти истории совпала с началом Войны за Независимость США.

«С той поры, как между королём Англии Георгом Третьим и его американскими колониями пошла распря, Пьер Карон де Бомарше со всей страстью стал на сторону американцев, на сторону мятежников. Подобно многим другим интеллигентам Парижа и даже Лондона, он приветствовал „бостонцев“, „инсургентов“ как людей, борющихся за осуществление великих идей французских и английских философов», — так писал об этих событиях Лион Фейхтвангер в известном романе «Лисы в винограднике» («*Die Füchse im Weinberg*»).

Думается, что здесь играли роль не только идейные убеждения Бомарше, но и его личный коммерческий интерес и дальний политический расчёт. Франция получила возможность отомстить за прошлые поражения своей вечной сопернице Британии. События за океаном стали нарастать как снежный ком.

В ноябре 1774 года Георг III написал премьер-министру лорду Норту, что «правительства Новой Англии находятся в состоянии мятежа, удары должны решить, будут ли они подчинены этой стране или независимы». Парламент разделил воинственное мнение короля: в феврале 1775 года обе палаты проголосовали за объявление колонии Массачусетс в состоянии вооружённого восстания. В Бостон был отправлен приказ раздавить мятеж.

Начиная с 15 апреля военный губернатор колонии генерал Томас Гейдж незаметно готовил семьсот лучших солдат из своего гарнизона для карательной экспедиции в бостонское предместье Конкорд. По сообщению платного доносчика англичан, бунтовщики здесь собрали четыре лёгкие пушки и много боеприпасов. В Конкорде также находились

и некоторые руководители повстанцев. Чтобы объяснить внезапную концентрацию британских войск, Гейдж накануне сообщил, что они отправляются в сельскую местность для учений.

В темноте, не дожидаясь рассвета, 19 апреля 1775 года, при полном запрете курения и разговоров, британская колонна отправилась в Конкорд. В пять часов утра на их пути встали несколько десятков американских ополченцев из деревушки Лексингтон. После краткой перебранки в тумане кто-то произвёл первый выстрел. Вышколенные «красные мундиры» дали два залпа и рассеяли колонистов. Добравшись до Конкорда, солдаты начали обыски в домах и амбарах и сожгли несколько строений. На этом карательная экспедиция, не отыскав ни пушек, ни главарей мятежников, закончилась.

Возвращение в Бостон оказалось для английской армии «дорогой смерти». Небольшие группы ополченцев («минитменов»), укрываясь за домами и заборами, в оврагах и лощинах, вели постоянный обстрел королевских солдат. Тактика партизанской войны принесла свои плоды. Только прибытие подкрепления из Бостона в составе тысячи солдат с пушками спасло отступавшую британскую экспедицию от полного разгрома.

Начиная со следующего дня тысячи фермеров-добровольцев, прибывавших из всех регионов Новой Англии, расположились вокруг Бостона «лагерем свободы» и замкнули осаду города с материка (старый Бостон располагался на узком полуострове). Англичанам разгромить «лагерь свободы» и снять осаду не удалось.

За десять дней до событий в Лексингтоне и Конкорде, 8 апреля 1775 года, в Лондон отправился французский господин де Ронак. Анаграмма фамилии читалась легко: «Карон». Он только что окончил комедию в четырёх действиях «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» («*Le Barbier de Séville*»), которую ждал невиданный успех. На сцене появился Фигаро, своим умом, энергией и талантами явно напоминавший автора пьесы. Чуть замаскированный мнимо-испанским нарядом, самый яркий литературный образ эпохи, насмешка над чванливыми аристократами и воплощение предприимчивой инициативы третьего сословия.

Мосье де Ронак, по легенде, занимался скупкой испанских и португальских пиастров для торговли с карибскими островами. В потайном месте его багажа лежал документ, подписанный самим Людовиком XVI: «Господин Бомарше, имея мои секретные распоряжения, должен отбыть как можно скорее к цели своего назначения. Соблюдение тайны и быстрота исполнения порученного явятся самым любезным подтверждением его рвения к моей службе, кое он только может мне дать».

В преддверии новых политических катаклизмов король желал избавиться от опасного шевалье д'Эона и его архива. Французская разведка перепробовала варианты отравления и похищения, но бывший драгунский капитан не единожды доказывал, что обладает не только навыками стрельбы и фехтования, но и конспирации. Вспомнив подвиги молодости, он переделся в женское платье и нашёл себе в Лондоне тайное убежище.

В Версале были уверены: Бомарше сможет обвести вокруг пальца кого угодно, но создатель «Севильского цирюльника» повёл собственную игру. В Лондоне состоялось знакомство Бомарше с Артуром Ли, торговым представителем колонии Массачусетс. Ли искал способы тайной закупки оружия для восставших американских колоний. Коммерческий ум Карона узрел в тихих кулуарных разговорах при свечах невероятную торговую и политическую комбинацию. Как сказала одна из героинь Бомарше, обращаясь к Фигаро, «интрига и деньги — это твоя стихия!»

В Лондон тем временем приходили будоражащие новости. В конце мая 1775 года королевский флот доставил в осаждённый Бостон подкрепление из Англии. Вместе с вновь прибывшими батальонами с флагманского фрегата «Цербер» на бостонский причал ступили три надменных британских аристократа — генерал-майоры Дж. Бургойн, Г. Клинтон и У. Хау. Этому триумvirату предстояло провести военные операции в Америке и, в первую очередь, помочь Томасу Гейджу прорвать осаду с материка. Генералы были полны решимости. «Дайте нам высадиться на берег, и мы найдём место, чтобы поработать локтями», — заявил Бургойн.

«Бостонское чаепитие» (гравюра XIX века)

К этому времени полторы тысячи американских ополченцев укрепились к северу от Бостона на стратегически важной высоте Банкер-Хилл. Отсюда можно было обстреливать город и порт. Янки в разношёрстном гражданском платье (формы ещё не было) были вооружены самым невероятным дедовским холодным и стрелковым оружием, принесённым из дома. Так как свинца для пуль не хватало, американцы заряжали мушкеты гвоздями и обрезками железа. На бостонском военном совете командующий Гейдж призвал нанести здесь сокрушительный удар по «партизанам».

Утром 17 июня 1775 года две с половиной тысячи британских солдат под командованием генерала Хау высадились на материк, построились в три линии и под бой барабанов двинулись на Банкер-Хилл. Шли уверенно, тяжеломерно, во весь рост. Подпустив «красные мундиры» предельно близко, ополченцы открыли огонь, разбили порядки королевских войск и заставили их отступить. В полдень Уильям Хау дал приказ к новой атаке. И вновь, встретив самое ожесточённое сопротивление и понеся немалые потери, вымуштрованные войска Альбиона вынуждены были отойти. В последнюю, третью атаку королевских солдат повёл лично генерал Хау. По его приказу батальоны оставили всё снаряжение, готовясь к решительному штыковому бою. К этому времени

у американцев закончились боеприпасы, и в ходе яростной рукопашной британцы наконец овладели высотой.

Уильям Хау в забрызганном кровью гренадёров мундире мрачно взирал на склоны холма. Банкер-Хилл достался дорогой ценой. Потери англичан убитыми и ранеными составили более тысячи солдат, что в два раза превысило потери американцев. «Ещё одна такая победа, и мы останемся без армии», — стали поговаривать офицеры бостонского гарнизона.

Вскоре Пьер Карон де Бомарше отправит из Лондона секретную депешу, адресованную «*Au Roi seul*» — «Лично королю». Это был один из самых недооценённых документов Американской революции: «Сир, Англия переживает такой кризис, такой беспорядок царит как внутри страны, так и в колониях, что она потерпела бы полное крушение, если бы только её соседи и соперники в состоянии были всерьёз этим заняться... Американцы, готовые выстоять ценой любых страданий... собрали под Бостоном тридцать восемь тысяч человек (Бомарше явно завысил цифру — Л. С.), хорошо вооружённых и готовых к бою; осаждая город, они поставили английскую армию перед выбором: либо умереть там с голоду, либо его оставить, чтобы расположиться на зимние квартиры где-нибудь в другом месте, что ей неизбежно и придётся сделать... Англия потеряет Америку, несмотря на все свои усилия; война всё яростнее разгорается не в Бостоне, а в Лондоне».

По глубине анализа депешы Бомарше позволяют назвать его суперагентом. Он видел гораздо дальше опытных европейских дипломатов, но, будучи верным себе, усложнил политическую драматургию. Бомарше убеждал Людовика XVI оказать помощь мятежным американцам, а себя предлагал в качестве арматора, тайного поставщика вооружений через Атлантику. Напомним, что во Франции торговля оружием была запрещена, «господин де Ронак» не обладал никакими официальными полномочиями, а на родине по приговору суда он был ошельмован и лишён гражданских прав.

Тем временем за ужином в одном из лондонских особняков состоялась секретная встреча двух великих авантюристов. Бывшая царская чтица и вчерашний контролёр королевской

Обелиск на холме Банкер-Хилл

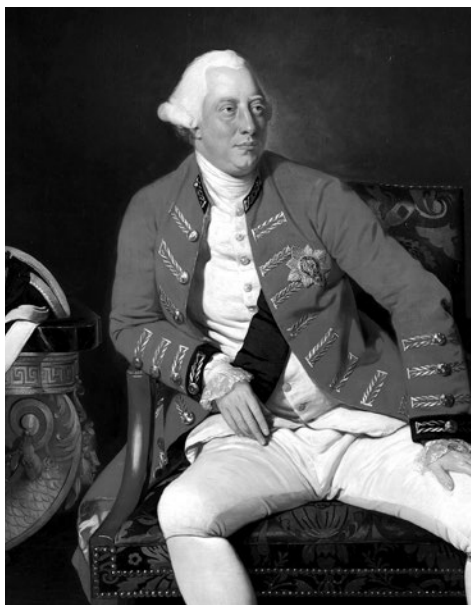
говядины, тайные агенты и собраты по перу были достойны друг друга. Пьер-Огюстен предложил шевалье д'Эону хороший выкуп за его секретные документы и пожизненный пенсион от короля по возвращении во Францию. Опытный и осторожный д'Эон не спешил сдавать позиции. Бомарше доложил в Версаль о трудностях переговоров и вновь запросил в качестве награды для себя большой заём, возвращение дворянских прав и разрешение на поставки оружия в Америку через частную подставную фирму. Всегда колеблющийся Людовик XVI пока хранил молчание.

Устами Фигаро Бомарше дал красочную характеристику тогдашней секретной дипломатии: «Прикидываться, что не знаешь того, что известно всем, и что тебе известно то, что никто не знает; прикидываться, что слышишь то, что никому не понятно, и не прислушиваться к тому, что слышно всем; главное, прикидываться, что ты можешь превзойти самого себя; часто делать великую тайну из того, что никакой тайны не составляет... худо ли, хорошо ли разыгрывать персону, плодить наушников и прикармливать изменников, растапливать сургучные печати, перехватывать письма и стараться важностью цели оправдать убожество средств».

Спустя две недели после сражения на Банкер-Хилле, 2 июля 1775 года, в осаждавшие Бостон войска прибыл Джордж Вашингтон. Командующему предстояла нелёгкая задача организовать из разрозненных отрядов ополченцев регулярную американскую армию, способную противостоять одной из самых сильных в военном отношении держав. Увиденное поначалу привело Вашингтона в уныние: военный лагерь больше походил на цыганский табор, шатались пьяные в драных рубахах, воинских различий никто не соблюдал, вооружение было самым разнообразным — старинные кремниевые мушкеты, дедовские охотничьи ружья, привязанные к палкам кинжалы, индейские томагавки.

Главком континентальной армии распорядился пересчитать полки. В регулярных войсках это заняло бы несколько часов, а в Бостоне на перепись солдат ушла неделя. Генерал Вашингтон начал внушать воинам «Соединённых Провинций Северной Америки» высокие моральные устои, нередко

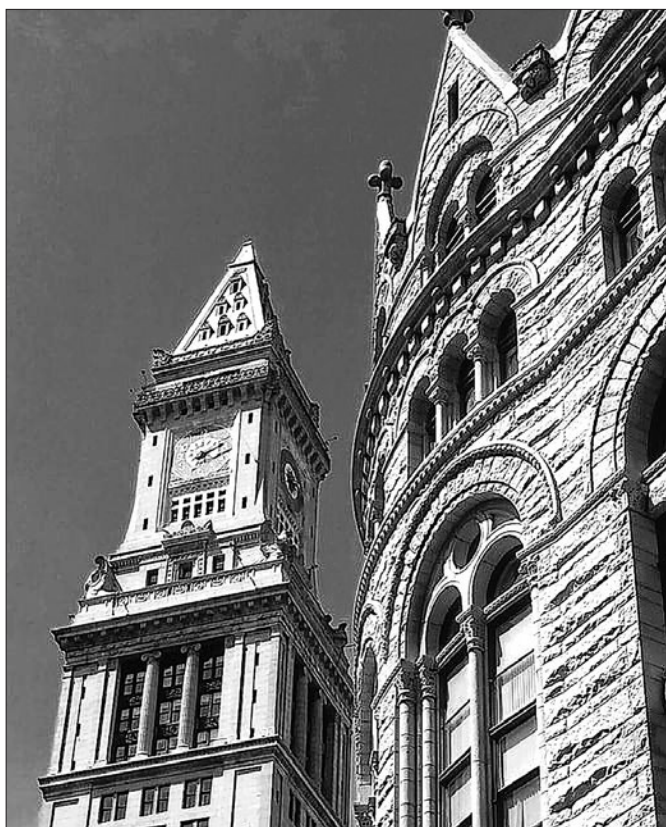
подкрепляя проповеди плетьюми и другими наказаниями. Обе воюющие стороны создали долговременную оборону и не вели активных боевых действий. Томас Гейдж после столь больших потерь не решался на новое генеральное сражение. Американцам же для успешного штурма хорошо укрепленного Бостона, поддерживаемого пушками британских кораблей, были необходимы осадные орудия.

Король Георг III

«В то время, — писал Диккенс в „Повести о двух городах“, — на английском престоле сидели король с тяжёлой челюстью и некрасивая королева; король с тяжёлой челюстью и красивая королева сидели на французском престоле. И в той, и в другой стране лорды, хранители земных благ, считали неизменной истиной, что существующий порядок вещей установлен раз и навсегда на веки вечные. Стояло лето господне тысяча семьсот семьдесят пятое...»

ЗАМЕТКИ ИЗ БОСТОНА

Исторические хроники

- 1607.** На атлантическом побережье Северной Америки построен форт Джеймстаун, положивший начало первой английской колонии Вирджинии.
- 1620.** Переселенцы-«пилигримы» основали Плимут (в нынешнем штате Массачусетс), первое поселение Новой Англии.
- 1624.** На острове Манхэттен в устье реки Гудзон заложен голландский форт Новый Амстердам (будущий Нью-Йорк).
- 1630.** Основан Бостон, столица колонии Массачусетс, крупнейший город Новой Англии.
- 1636.** В Кембридже близ Бостона основан Гарвардский университет—старейшее высшее учебное заведение в Америке.
- 1636.** В Плимуте приняты «Великие основы» («The Great Fundamentals») — документ, подтверждающий выборное правление и право индивида на юридическую защиту. «Основы» иногда называют первым американским Биллем о правах.

ОТПРАВНАЯ ТОЧКА

Одну из самых известных бостонских картин легко пропустить из-за её малых размеров. В коллекции Музея изящных искусств (MFA) великий голландец представлен холстами бóльших пропорций, к которым зритель привык. «Художник в своей мастерской», выполненный на дубовой доске около 1628 года, — миниатюрный манифест молодого и дерзкого Рембрандта.

Третий сын лейденского мельника Харменса ван Рейна появился на свет в июле 1606 года. На родительской мукомольне близ крепостных Белых Ворот (Витте Поорт) работники закрепили старые ветряные крылья мельницы в положении вертикального креста и развесили на них гирлянды, чтобы таким образом оповестить всех о радостном событии.

Младенца крестили в церкви Святого Петра, старейшей в Лейдене. Через три года в церковь Питерскерк (*Pieterskerk*) придут для молитв сбежавшие из английского Бостона «отцы-пилигримы», будущие основатели Плимутского поселения в Новом Свете.

Лейден, первый свободный город Республики Семи Соединённых Штатов, оказался отправной точкой в истории нового голландского государства и в творческом начале Рембрандта Харменса ван Рейна. «Лейденская глава» также окажется важнейшей составляющей саги об американских первопроходцах.

Реформация и революция в умах и душах современников началась в неказистых и плохо освещённых сырых комнатах, как на этой ранней картине Рембрандта. И в Британии, и в Нижних Землях (Нидерландах) читали книги Жана Кальвина и мечтали о грядущем царстве божием без католического папы, деспота короля и продажных епископов.

Социальная динамика протестантизма облекалась в яркие библейские метафоры — так рождались проповеди и тексты гонимых английских диссидентов и ветхозаветные образы на холстах великого голландца.

Сын мельника посещал сначала народную школу в своём околотке, а затем отец отдал шестилетнего Рембрандта в Латинскую школу (род гимназии), находившуюся на нынешней Локхорстраат, в центре города. По всей видимости, отрок с успехом выдержал собеседование: он был развит не по годам и сведущ в основах Писания. Скрижали Моисея, жертвоприношение Авраама, подвиги Самсона, поклонение золотому тельцу, храм в Иерусалиме, псалмы царя Давида, Валаамова ослица — все эти сюжеты, которые Рембрандт воплотит впоследствии в картинах, гравюрах, офортах, пришли к нему из лейденского детства.

«Мастерская художника» — одна из ранних работ и, предположительно, один из первых автопортретов Рембрандта. На картине изображён рабочий момент художника в мастерской, которая находилась в доме Харменса ван Рейна. Затемнённая безыскусная сцена на толстых грубых половицах отцовского чердака, где фоном служит стена с осыпавшейся штукатуркой.

Здесь нет ни ярких деталей, ни выраженных аллегорий. Скорее странный набросок, чем картина. Художник отодвинул себя в тень, на задний план. Мольберт занимает почти весь интерьер, отбрасывая мощную тень на закрытую на тяжёлый замок дверь чердака. Деревянный край мольберта вычерчивает в пространстве тонкую и яркую наклонную линию.

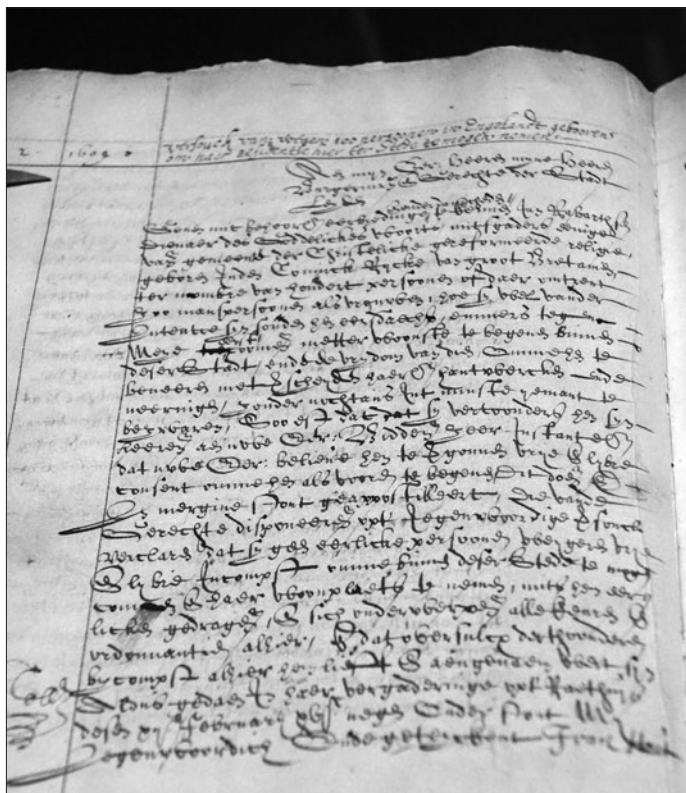
Нам не дано угадать, что видит художник: свежий мазок или законченную работу, а вполне возможно, перед нами момент озарения — чистая загрунтованная поверхность, которая начнёт заполняться образами и сюжетом. Миниатюрная фигурка художника замерла перед грандиозностью замысла.

На офортах раннего Рембрандта весь спектр социальной жизни Лейдена: бюргеры, мастеровые из разных гильдий, торговцы, ярмарочные шарлатаны, актёры, музыканты, бро-

Рембрандт Харменс ван Рейн. «Художник в своей мастерской».
Ок. 1628 г. Музей изящных искусств, Бостон

дяги. Для Рембрандта это был горячий питательный бульон для творчества. Для его современников-пилигримов на тех же улицах и площадях рождался опыт иного свойства. Они перенесут часть голландского наследия на американскую землю: первые из написанных законов Массачусетса (в их числе «Мэйфлауэрское соглашение» о выборности власти), праздник День Благодарения (в Лейдене он отмечается 3 октября — в память победы над испанцами в 1574 году — с обильным застольем), строгие и скромные одеяния колонистов (sarotain — шляпа с высокой тульёй, сужающаяся кверху, — осталась символом главной штатной автострады Масспайк).

Разрешение городского совета на поселение пилигримов, около 100 человек в г. Лейден, 12 февраля 1609 года.

В иконоборческой стране, изгнавшей святых из своих молитв, красят голые стены церквей известью, а в бывшем женском монастыре в Лейдене создадут публичный анатомический театр. Рациональная кальвинистская эстетика разрешала живопись голландцам, но ограждала от неё набожных английских переселенцев. Поэтому до нас дошло всего одно портретное изображение жителя Плимутской колонии.

Споры о чистоте канона — самое актуальное в богословских дискуссиях — и на университетской кафедре, и в работающих лейденских приходах. Велика и сила привычки: реформатскую церковь, которую посещали семейства ван Рейнов и старейшины пилигримов Уильяма Брюстера, про-

должали называть на старый манер Синт-Питерскерк (церковью Святого Петра). Интересно, что 1610 году один из лейденских живописцев обратился в магистрат с петицией об учреждении городской художественной гильдии. Прощение было отклонено, поскольку магистрат посчитал его слишком католическим по своей сути.

Британский биограф Рембрандта Саймон Шама (*Simon Schama*) писал: «Картина „Художник в мастерской“ совершенно лишена нарциссизма, свойственного элегантным денди на его автопортретах в доспехах. На сей раз Рембрандт погружён не в самолюбование, а в размышления. Образ, возникающий под его кистью, — не тот, что он видит в зеркале, а тот, что предстаёт в его сознании. Если вообще возможно изобразить проникновение в скрытую сущность, то это именно оно».

Весной 1620 года, когда английские беглецы-протестанты решились на переезд за океан, Рембрандт поступил в Лейденский университет, старейший в Нидерландах. В его стенах на канале Рапенбург он учился по книгам, изданным печатником Уильямом Брюстером в университетской типографии. Мир второго по величине города Голландии был тесен.

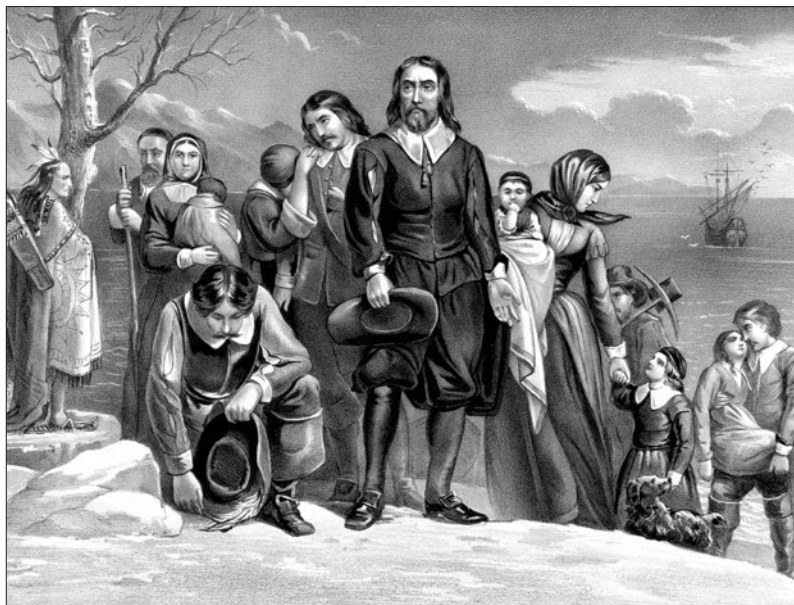
Вскоре Рембрандт откажется от намечавшейся карьеры филолога в пользу кисти и мольберта, а книжник и диссидент Брюстер до отплытия корабля «Мэйфлауэр» на запад будет скрываться в его затхлом трюме — разыскиваемый преступник и личный враг английского короля. «Итак, они покинули этот добрый город, — написал впоследствии У. Бредфорд, хроникёр и губернатор Плимутской колонии, — который служил им домом двенадцать лет, но ведали они, что есть они пилигримы...»

Вызов судьбе, мистерия борьбы света и тьмы в мире сакральном и профанном, где есть возможность прочертить собственный луч света. Лейденский типограф и юноша-художник вряд ли были знакомы, но мечтали о схожем — открыть и утвердить свой Новый Мир, увидеть неведомые духовные горизонты.

Рембрандт прожил в Лейдене немалую часть жизни, до двадцати пяти лет, затем переехал в Амстердам. В одной

Копия парусника «Мэйфлауэр» в гавани Плимута

Высадка пилигримов на берег. 22 декабря 1620 г.
Плимут, Массачусеттс

из главных столиц тогдашнего мира его ждали счастливый брак и великий успех, затем недобрая молва, смерть детей, разорение и продажа имущества с молотка. Слава величайшего из мастеров придёт к нему много позже физической кончины.

Пилигримы на маленьком двухмачтовом паруснике отправятся к американским берегам, презрев смерть и лишения, но замахнувшись на невиданное: основать и утвердить особую цивилизацию, «плантацию духа». Первую улицу первого города Новой Англии они назовут Лейденской.

Летом 1621 года Уильям Брюстер на правах старейшины совершил первый на территории будущих США обряд гражданского бракосочетания — по голландскому образцу. В наши дни десятки миллионов жителей Соединённых Штатов (в их числе девять президентов страны) имеют хотя бы одного предка из числа отцов-пилигримов.

Исторические хроники

1689, 18 апреля. Бостонское восстание (Boston Revolt): горожане свергли и арестовали авторитарного королевского правителя Новой Англии сэра Эдмунда Андроса и его администрацию. После распада Доминиона Новая Англия в колониях Массачусетс, Коннектикут, Нью-Хэмпшир и Род-Айленд созданы местные выборные органы власти.

1691. Королевским указом создана Провинция Массачусетского Залива (Province of Massachusetts Bay). Колония просуществовала под этим названием до обретения независимости. В тот год Массачусетс включил в себя помимо Плимутской колонии территории Мэйна и две провинции будущей Канады.

1702. Опубликована книга бостонского пастора Коттона Мэзера «*Magnalia Christi Americana*», первая фундаментальная история колоний Новой Англии.

1704. Почтмейстер Джон Кемпбелл начал издавать первую в Америке регулярную газету *Boston News-Letter* («Бостонские известия»). Еженедельная двухстраничная газета стоила очень дорого и была доступна лишь городской элите. Считалось хорошим тоном, когда галантные кавалеры преподносили свежий номер «Известий» в подарок дамам, за которыми ухаживали.

ГАЗЕТЫ И ПРИВИВКИ

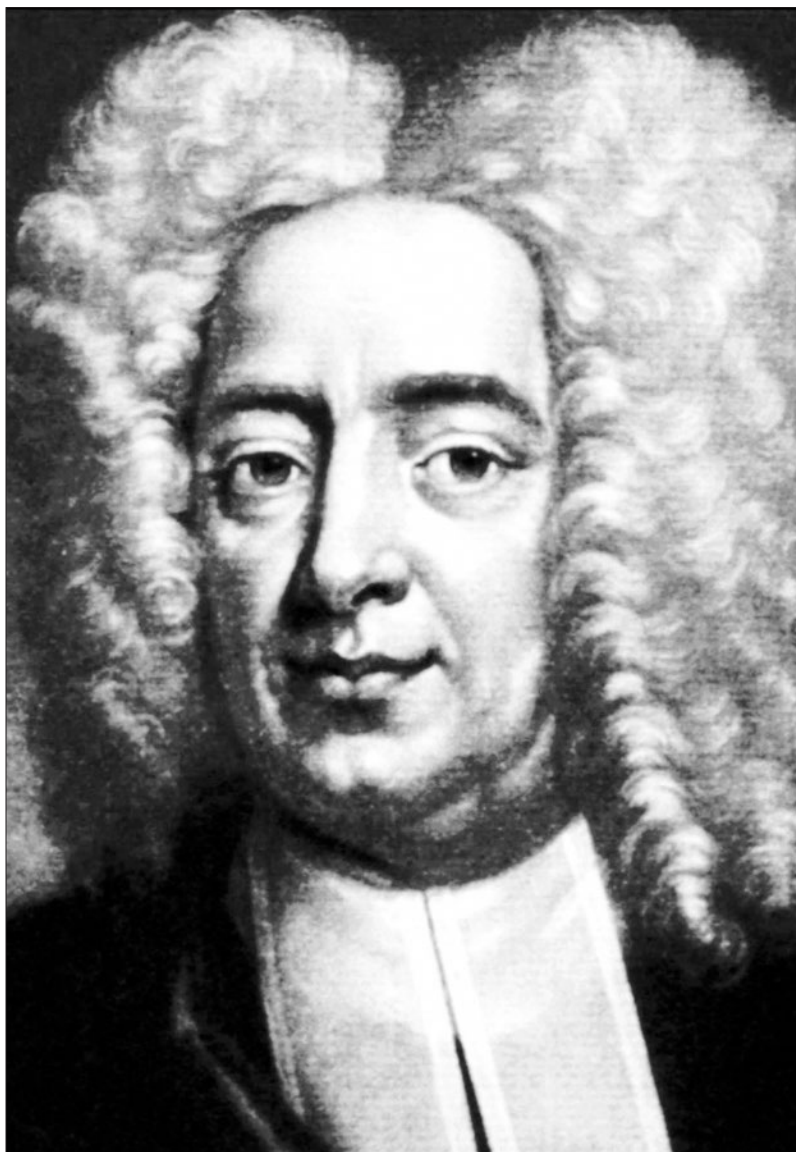
стародавние времена жизнь в портовых городах редко бывала добродетельной и спокойной. Бостон не являлся исключением: то ведьму повесят, то контрабандиста в колодки посадят, то заезжие матросы в таверне побузят. Нравы же политические на берегах Массачусетского залива отличались ещё большей суровостью. Так, летом 1722 года издатель одной из бостонских газет отправился в тюрьму без суда и следствия за вполне умеренную критику местных властей.

Подобные события считались «происшествиями мелко-го масштаба», горожане к ним привыкли. Но случившееся в тёмную ноябрьскую ночь 1721 года взбудоражило всех, ибо произошла первая в массачусетской истории попытка теракта.

В окно спальни уважаемого пастора Коттона Мэзера влетела самодельная бомба. Взрывное устройство не сработало — одна из половинок расколовшейся на две части бомбы загасила фитиль. На привязанной к фитилю бумажке священник прочёл: «Коттон Мэзер, собака, чёрт тебя подери; я тебя вот этим привью».

Мэзер был самым известным после губернатора человеком в городе: третье поколение династии массачусетских пасторов, сын ректора Гарвардского университета, незаурядный теолог, историк, публицист. Сегодня о нём вспоминают разве что специалисты по истории Новой Англии, да и памятника ему горожане не поставили. Не в последнюю очередь потому, что за шестнадцать лет до покушения на Мэзера в Бостоне появился на свет его идейный антипод.

Бенджамин Франклин, получивший впоследствии почётное прозвище «Первый американец», родился на улице Молочной (Milk Street), что в непосредственной близости

Коттон Мэзер

от Старой Южной церкви (Old South Meetinghouse). В тот же день, воскресенье, 6 января 1706 года, младенец Бенджамин был крещён в этой церкви. «Воскресный ребёнок» в старину считался благословением божьим...

По уникальному стечению обстоятельств, Бенджамин Франклин происходил от самых младших отпрысков из всех младших братьев рода Франклинов на протяжении пяти поколений. Отец мальчика Джозайя Франклин владел мастерской по производству мыла и свечей. Семья Франклинов считалась огромной даже по тем временам. Первая жена Анна умерла при родах седьмого ребёнка, а вторая — Абиа Фолгер — принесла Джозае ещё десятирех детей.

Колониальный Бостон с населением в десять тысяч жителей, с немощёными улицами, одноэтажными и двухэтажными деревянными домами, в то время целиком умещался на узком холмистом полуострове Шомат в три километра длиной и полтора шириной. Жители его были людьми набожными, праздные увеселения в городе не поощрялись. К числу смертных грехов причисляли пьянство и адюльтер. Единственными украшениями домов были вывески: над лавками, где продавали сукно, висел якорь, над пекарнями — золотой сноп, над книжными лавками — Библия.

Над свечной мастерской Джозаи Франклина на Милк-стрит висел голубой шар. На втором этаже дощатого дома размещалось его многочисленное семейство, а в лавке на первом этаже держали поташ, жир, мыло и оборудование для изготовления сальных свечей. Пахло всё это не лучшим образом.

Бенджамин, десятый и последний из сыновей мыловара, был определён в Латинскую школу, которая располагалась в нескольких кварталах от их дома (на School Street). Школа готовила детей для поступления в Гарвард, в те времена питомник пуританского духовенства. По ироническому замечанию самого Бенджамина, отец «решил посвятить его, как некую десятину от своих сыновей, служению церкви».

Юный Бен читал запоем. Впоследствии он говорил, что не помнил времени, когда бы не умел читать. В доме отца, простого ремесленника, на полке помимо Библии стояли «Жизнеописания» Плутарха, «Путешествие паломника» Дж.

Беньяна, «Опыты о проектах» Даниеля Дефо. Надо сказать, что подросток справился со столь серьёзным морально-дидактическим чтением, доступным не каждому взрослому.

Формальное обучение Бенджамина Франклина окончилось к десяти годам. Отцу требовался помощник, чтобы прокормить многодетное семейство, и он забрал его из школы. «И вот я принялся резать фитили, заливать формы для маковых свечей и мыла, помогать в лавке, бегать с поручениями и прочее».

Из всех книг юности Бенджамин особо выделил «сочинение доктора Мэзера „Опыты, как делать добро“ („Essays To Do Good“, 1710)». По воспоминаниям Франклина, этот философский трактат «породил во мне образ мыслей, повлиявший на главные события моей жизни».

Без рассказа о преподобном Коттоне Мэзере (Cotton Mather, 1663–1728) невозможно представить интеллектуальную среду Новой Англии. Почтенный пастор был старше Франклина на сорок лет. Детство Коттона прошло на другом конце города, под сенью Старой Северной церкви (Old North Church), где проповедовали три поколения «громогласной» династии бостонских богословов. Его отец, Инкриз Мэзер, имел степень магистра Дублинского университета, служил капелланом в армии Кромвеля, а по возвращении в Массачусетс стал ректором и президентом Гарвардского университета. Сын Коттон ещё более возвысил династическую славу: самый юный из студентов Гарварда (закончил его в пятнадцать лет), знавший десять языков (включая индейские наречия) и ставший самым известным теологом Новой Англии.

Как писал американский историк В.Л.Паррингтон, «преподобный Коттон Мэзер, имевший славу колдуна, был не только одним из первых образованных людей в колониях, понявших дух ньютоновских трудов, но также и острым наблюдателем флоры и фауны в Новой Англии».

Любопытный священник с увлечением проводил опыты по гибридизации растений и всерьёз интересовался медициной, а его библиотека в три с лишним тысячи томов считалась крупнейшей в американских колониях. Сам Мэзер опубликовал более четырёхсот пятидесяти произведений на

различные темы. Многие из его воззрений выходили далеко за рамки пуританской идеологии, а многолетние исследования в ботанике и зоологии увенчали карьеру пастора избранием в действительные члены британского Королевского научного общества (первого из жителей Америки).

Бостон не особенно гордится этой яркой личностью с увлечениями под стать людям Ренессанса. Самый образованный человек Америки того времени истово верил в колдовство и демонов и написал несколько трактатов по ведовству. Отец и сын, Инкриз и Коттон Мэзеры, приняли участие в печально знаменитых «процессах ведьм» в Салеме (Salem) в 1692 году — пуританской версии инквизиции, когда на виселицу отправили девятнадцать невинных женщин, а несколько десятков заточили в тюрьму.

Известный исследователь американской культуры Говард Мамфорд Джонс считал, что в жизни колоний Новой Англии параллельно существовали и причудливо переплетались три европейских идеологии — Средневековье, Ренессанс и Реформация. Концепция первичности теологических ценностей бытия сочеталась с интересом к научному знанию, развитием образования и книжной культуры, а жёсткие устои протестантской веры стали, как показал Макс Вебер, идейной закваской нарождавшегося капитализма. Нарушая хронологические рамки, уходящая идеология средневековья, черты английского Возрождения и философия Реформации в кальвинистской оболочке могли сосуществовать как в жизни колонии в целом, так и в душе одного человека, бостонца Коттона Мэзера.

В 1721 году Франклин-отец, осознав, что из юного книгочея хорошего мыловара не выйдет, определил Бенджамина учеником в типографию к старшему сыну Джеймсу. Согласно цеховому контракту, идущий в подмастерья Бен Франклин обязывался служить верно, хранить коммерческие тайны хозяина, не посещать городские таверны и пивные, не играть в карты, кости и другие запретные игры, не заключать брачный союз до двадцати двух лет.

Сводный брат Джеймс (от первого брака отца) вольностей не терпел и отличался крутым нравом. Тем не менее

Ручной печатный пресс XVIII века

для подростка-подмастерья типография оказалась лучшим местом в городе. Вслед за церковной кафедрой печатный станок был средоточием жизни колониального общества. Если проповедник рассказывал о загробной жизни, то издатель — о земной. Сюда заходили самые образованные люди Бостона, велись интеллектуальные споры, а по ночам, после работы, можно было при свете отцовской свечи листать самые свежие издания, как местные, так и привозимые из-за океана.

В августе 1721 года Джеймс Франклин начал выпускать газету «Вестник Новой Англии» (*The New-England Courant*). Небольшой листок совершил переворот в колониальной журналистике. Вместо привычных скучных официальных отчётов и приходящих с большим опозданием новостей из метрополии «Нью-Ингленд Курант» отдавал предпочтение литературным заметкам, эссе на злобу дня и письмам читателей. Несмотря на неслыханную дороговизну (четыре пенса) «Вестник» быстро расходился по рукам, а тиражи росли.

Светское, свободное печатное слово, осмелившееся поддывать магистрат и клир, вызвало неудовольствие отцов города. Университетский эрудит Коттон Мэзер бичевал франклинову «подлую газетёнку», назвав её «клубом адского пламени». Название понравилось самим обличаемым, под ним они вошли в историю. «Адский клуб» Бостона — сообщество любителей чтения, образованных антиклерикалов, носителей либеральных взглядов «третьего сословия», создавших первое в истории страны независимое издание.

Джеймс Франклин, типограф с принципами и амбициями, подготовил сцену и, сам того не ведая, назначил время и место рождения первого литератора Америки. 2 апреля 1722 года на бостонской Куин-стрит был отпечатан номер газеты со статьёй некоей Сайленс Дугуд. Нравоописательный очерк от имени «вдовы средних лет из сельской местности» принадлежал перу Бенджамина Франклина. «Я был очень юн и подозревал, что брат не станет печатать мои произведения, если узнает, кем они написаны, поэтому однажды я изменил свой почерк и ночью подсунул листок под дверь типографии. Утром брат его нашёл и показал своим пишущим друзьям, когда те по обыкновению к нам зашли. Они прочли статью,

обсудили её при мне, и я с величайшей радостью убедился, что статью они одобрили...»

Сайленс Дугуд стала постоянным корреспондентом газеты. Джеймс Франклин помещал её эссе на самом выигрышном месте — в левом верхнем углу первой полосы. В «Адском клубе» терялись в догадках, пытаясь определить автора, но никому не могло прийти в голову, что за образом сельской вдовы, не лишённой жеманства и живого воображения, скрывался бойкий на язык подросток, который ни одного дня не провёл за пределами города.

Вызывая гнев Коттона Мэзера и других местных богословов, «вдова» с юмором рассуждала об образовании и религии, светских нравах и матримониальных отношениях. Преподобный Мэзер, мечтавший превратить Бостон в «христианскую Спарту», наполнял свои трактаты библейской метафорикой и усложнённой риторикой. Заметки вдовы (*Silence Dogood* — «Молчальница Добродеева» — явная пародия на труды Мэзера) отличались остроумием и здравым смыслом. Когда ставшая популярной в городе миссис Дугуд написала, что не хочет оставаться одной, несколько мужчин отправили ей письма с предложением руки и сердца.

Бостонская история предвосхитила и переложила вечный сюжет «Моцарта и Сальери» на свой лад: юное дарование, не чуждое литературного озорства, и строгий моралист, плодовитый ремесленник от публицистики, проживший долгие годы в упорном самоутверждении.

Конфликт был предопределён столкновением эпох: старый пуританский ригоризм уступал место деятельному рационализму. Эпоха Просвещения стучалась в американские двери, а Франклину суждено было стать её апостолом.

«...Без свободы мысли не может быть такой вещи, как мудрость, и такой вещи, как общественная вольность, — без свободы слова...» — Бенджамин приводит английскую журнальную цитату, но здесь явственно выражены его собственные окрепшие убеждения.

Опубликовав за полгода четырнадцать статей в «Вестнике», младший брат решил признаться в авторстве. По словам Бенджамина, друзья из «Адского клуба» стали относиться

Старая бостонская ратуша

Газета Франклинов осмеивала спорную медицинскую практику, несмотря на то что пастор с кропотливостью учёного приводил статистику низкой смертности привитых. Мэзер в свою очередь метал гром и молнии: «Мне остаётся только пожалеть бедного Франклина: несмотря на молодость, он может преждевременно отправиться на суд Божий».

Споры о вакцинации перерастали в драки на улицах (считалось, что у привитых могут вырасти рога). Единственному бостонскому доктору З.Бойлстону, делавшему прививки, угрожали линчеванием, и он навещал своих пациентов только в полночь и переодетым. В одну из таких тревожных ночей в окно спальни Мэзера швырнули самодельную бомбу, которая не взорвалась. За «ересь инокуляции» пастора лишили должности президента Гарвардского университета, и он с трудом сохранил за собой амвон Старой Северной церкви.

Спустя пятнадцать лет, в Филадельфии, Бенджамин Франклин потерял любимого младшего сына, четырёхлетнего Фрэнсиса, умершего от оспы, и горько упрекал себя за то, что не сделал ему прививки.

В июне 1722 года издатель Джеймс Франклин был арестован по обвинению в «подстрекательской клевете»: газета раскритиковала бостонский магистрат за портовые преступления. Подмастерье Бенджамин также арестовали, но отправили домой по причине малолетства, а старший брат провёл несколько недель на соломе в тюрьме. В то лето газету продолжал выпускать шестнадцатилетний Бенджамин — самый молодой издатели в мире.

В своей «Автобиографии» Франклин вспоминал:
 «Пока брат находился в заключении, что очень меня возмущало, несмотря на наши личные нелады, я возглавлял газету и осмелился два раза высмеять в ней наших правителей. Брат мой отнёсся к этому снисходительно, но кое-кто стал поглядывать на меня косо, усмотрев во мне юного умника, не гнушающегося пасквилем и сатирой. Брата выпустили на свободу, но Ассамблея тут же издала очень странное постановление о том, что „отныне Джеймсу Франклину запрещается издавать газету *The New-England Courant*“. Чтобы решить, как быть дальше, у нас в типографии собрались на совещание друзья. Кто-то предложил обойти постановление, изменив название газеты, но брат усмотрел в этом неудобства, и был найден лучший выход: сделать издателем газеты Бенджамин Франклина».

К тому времени место у печатного станка на Куин-стрит стало тесным для двух братьев. Старший из них всё более ревниво относился к растущей известности «ученика», который превратился в полноценного издателя. Младший приобрёл в глазах власти имущих репутацию диссидента, что грозило осложнениями в будущем.

В октябре 1723 года Бенджамин Франклин покинул Бостон и отправился в Филадельфию, где он мог работать самостоятельно, а порядки были значительно либеральнее. В 1726 году власти закроют «Нью-Инглэнд Курант», вынудив Джеймса Франклина переехать в колонию Род-Айленд.

Наследие Молочной улицы оставалось с Бенджамином Франклином всю жизнь. В первую очередь, это выражалось

в его презрении к сословности — однажды в качестве посла Америки он явился на королевскую аудиенцию в Версаль в простом кафтане без парика — и в его фундаментальных демократических принципах, что было свойственно далеко не всем «отцам-основателям» США.

В одном из многочисленных анекдотов о Франклине рассказывается, как посол американской республики при дворе Людовика XVI посетил знаменитую типографию Дидо в Париже и, не выдержав этикета, подбежал к станку и принялся за работу. Взглянув на изумлённых сопровождающих, американский посланник засмеялся и сказал: «Не удивляйтесь, господа, это моя прежняя профессия».

Семнадцатилетний автор, которого впоследствии будут почитать как «пророка республиканского строя», впервые выразил своё кредо в бостонской газете: «Я смертельный враг деспотического правления и неограниченной власти. Я естественно очень ревностно отношусь к правам и свободам моей страны и при малейших признаках ущемления этих бесценных привилегий у меня способна бурно закипать кровь».

Открытый для себя принцип маски оказался столь созвучен творческому складу писателя, что он прибегал к нему на протяжении всей жизни. Франклин с неизменным успехом использовал десятки личин-псевдонимов, самые известные среди которых — Полли Бейкер, мать пятнадцати незаконных детей, и фермер-простака Бедный Ричард.

Гарвард, «питомник учёности», по словам вдовы Дугуд, не случился в жизни великого учёного и изобретателя. Историкам остаётся гадать, как развился бы этот выдающийся ум в первом университете Америки. К счастью, юноша освоил в Бостоне не менее важную науку. Типография на улице Куин (сегодня *State Street*) стала его «университетом», открыв Бенджамину путь издателя, журналиста, литератора и просветителя.

В 1791 году историк Николай Карамзин писал:
«Франклин, который бродил в Филадельфии по улицам в худом кафтане, без денег, без знакомых, не зная ничего, кроме английского языка и бедного типографского ремес-

ла, — сей Франклин через несколько лет сделался известен и почтён в двух частях света, смирил гордость Британии, даровал вольность почти всей Америке и великими открытиями обогатил науки».

Два белых шпиля, две архитектурные доминанты — Старая Южная церковь и Старая Северная церковь — отметили границы колониального Бостона. Они же обозначили два полюса общественной жизни столицы Массачусетса и наравне вошли в американскую историю. Вечером 16 декабря 1773 года митинг земляков Франклина в Старой Южной церкви на Милк-стрит привёл к знаменитому «Бостонскому чаепитию», а два сигнальных фонаря на башне Старой Северной церкви в ночь на 19 апреля 1775 года возвестили о начале Войны за Независимость США.

В апреле 1790 года, когда спустя положенный срок нотариус и наследники вскрыли завещание Бенджамина Франклина, то оказалось, что значительную сумму, которую ему, как послу, задолжал американский Конгресс, Франклин отдал школам Бостона, где он так недолго учился.

Старая Северная церковь

СОДЕРЖАНИЕ

Потерянные миллионы Фигаро

Холодная гавань	11
Часовщик и цирюльник	19
Мундиры и кружева.	30
Гордый Родриг.	40

Заметки из Бостона

Отправная точка	53
Газеты и прививки	61
О пользе анекдота	75
Чайная история Джона Капли.	83
Аэронавт	93
Комбинации Бениовского	101
Библия для моряков	111
Дух и пепел.	117
Перевод с иврита	127
Обои Жана Зюбера	139
День соединения	143
Сибирские дары.	153
Рапсодия для саксофона	163
Тихие пригороды	171
Забывшие слова	185
Бармы полковника	193
Товар повышенного спроса	201
Однокашники	211
Мир через слово.	219
Ангел-хранитель	231
Узники замка Иттер	245
Синяя звезда Бруклайна	253

ЛЕОНИД СПИВАК, выпускник Нью-Йоркского университета, родом из Санкт-Петербурга. С 1993 года живет в Бостоне (штат Массачусетс). Автор многочисленных статей о русско-американских культурных связях XVIII–XX столетий. Его документальные повести «Истории города Бостона», «Забывтые американцы», «Полковник из Нью-Йорка», «Когда

Америки не было» и «Страна за горизонтом» посвящены малоизученным страницам американской, европейской и российской истории.

«Потерянные миллионы Фигаро» жанрово являются продолжением популярной книги Л. Спивака «Истории города Бостона», выдержавшей пять переизданий. В двадцати шести главах новой книги рассказывается о различных аспектах истории города, о ярких и необычных персонажах, повлиявших на судьбу одной из самых старых и примечательных «столиц» Соединенных Штатов.

ISBN 978-1-960533-54-8

